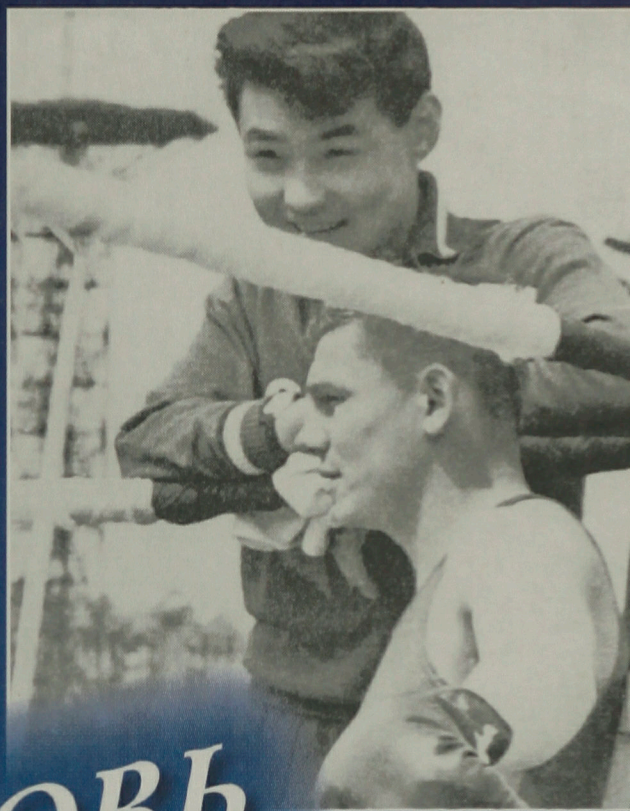
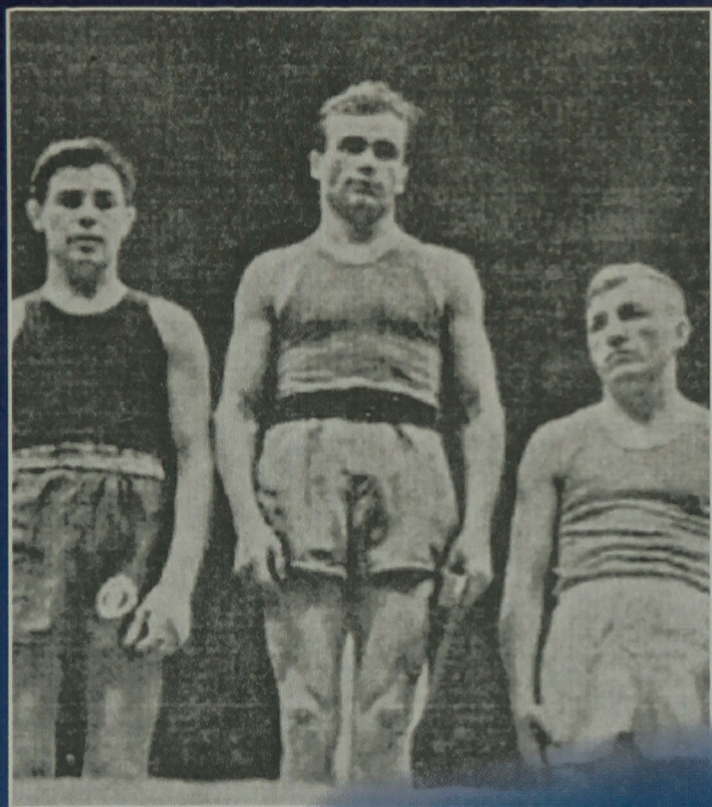

75.713
5-94

К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав России

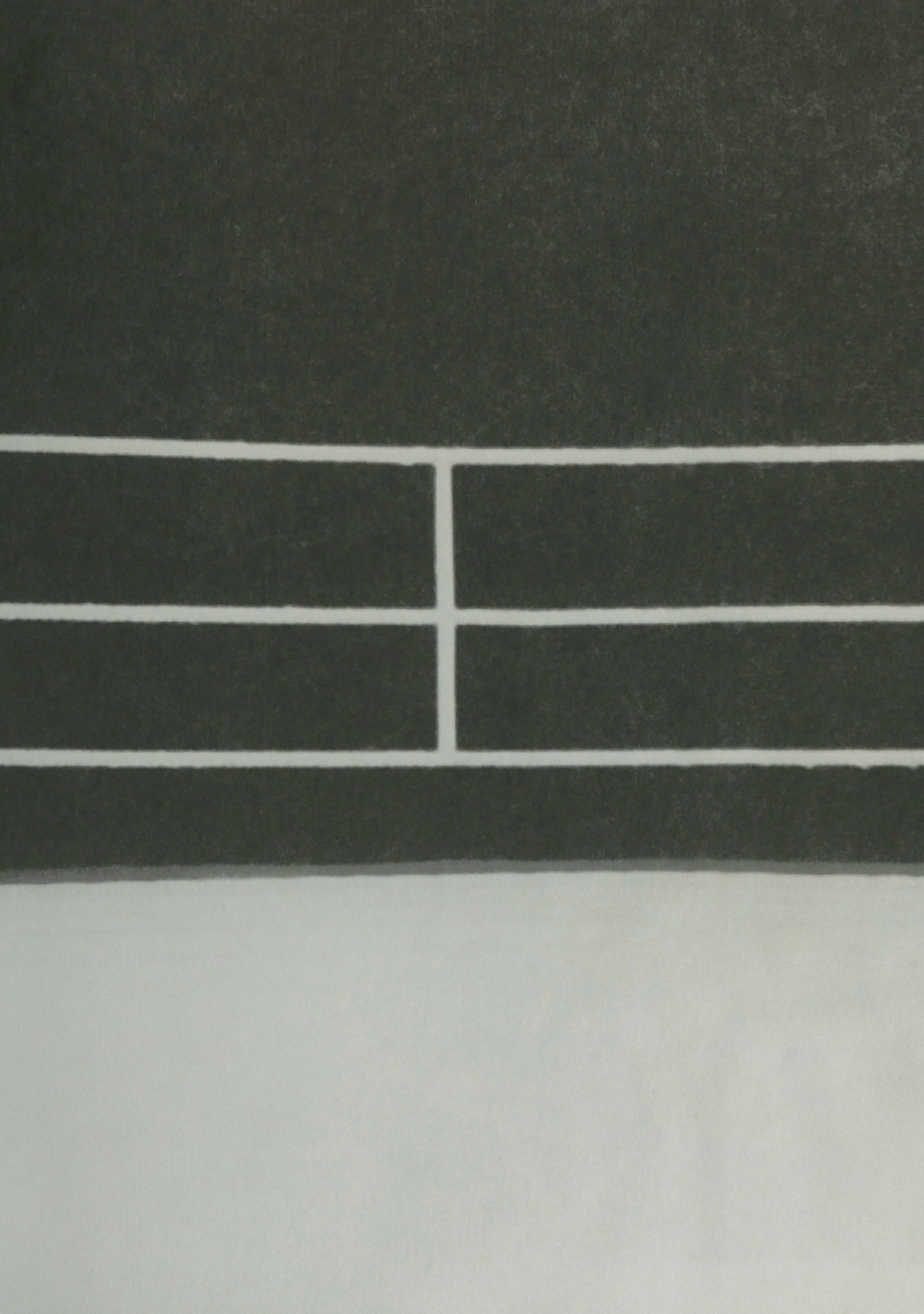
Звёзды
бурятского
бокса

ЛЮБОВЬ В КВАДРАТЕ РИНГА

Серг
БУХА

кол во 1
краев-1

581241 - краев - 150.00 р.

75.713

Б 94

Бухаев, Сергей Дмитриевич.

Любовь в квадрате ринга :
звезды бурятского бокса. - 229,
[1] с. - Улан-Удэ, 2010

581241

Отдел
красведни оё
литературы В ВЦ

75.713
Б94

К 350-летию добровольного вхождения Бурятии в состав России

Звезды
бурятского
бокса

Сергей
Бухаев

ЛЮБОВЬ В КВАДРАТЕ РИНГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2010

УДК 89
ББК 84(2Рос=Буря)
Б 94

На 1-й сторонке обложки:

фото №1: воспитанник бурятской школы бокса, паренек с улицы Шмидта г. Улан-Удэ Владимир Сафронов на пьедестале Олимпиады в Мельбурне в 1956 г. Справа от него Т. Никкольс (Великобритания) и Е. Недзвецкий (Польша);

фото №2: Велингтон Баранников секундирует другу, олимпийскому чемпиону Станиславу Степашкину во время товарищеского матча сборная Бурятской АССР – сборная СССР в г. Улан-Удэ (июнь 1965 года);

фото №3: сборная Республики Бурятия перед матчем со сборной Республики Саха-Якутия в г. Якутске (2002 год). Крайний справа – серебряный призер Олимпиады в Токио, чемпион Европы, Почетный гражданин Республики Бурятия №1 В. Баранников;

фото №4: еще один воспитанник бурятской школы бокса из кижингинского села Могсохон, чемпион Бурятии, Саха-Якутии, Республики Беларусь, участник Олимпиады в Афинах Бато-Мунко Ванкеев и Валерий Доржиев на приеме у спикера НХ РБ Александра Лубсанова (лето 2007 года)

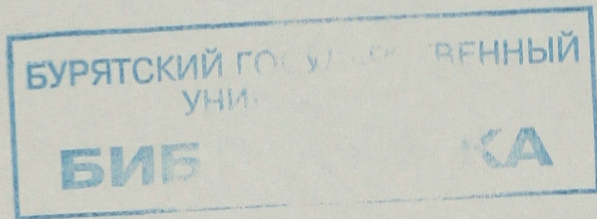
На 4-й сторонке обложки: Сергей Бухаев с внуками Сергеем и Владиком. Возможно, в будущем они тоже станут достойными бойцами.

Рецензенты:

5 8 1 2 4 1

Н.Я. Кондаков, вице-президент Федерации бокса РБ;

А.Г. Лубсанов, президент Федерации бокса РБ в 1988-2001 гг.

крав

Бухаев, С.Д.

Б 94 Любовь в квадрате ринга. Звезды бурятского бокса/С.Д. Бухаев; Рец. Н.Я. Кондаков, А.Г. Лубсанов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. – 232 с.: ил.
ISBN 978-5-91407-025-7

УДК 89
ББК 84(2Рос=Буря)

ISBN 978-5-91407-025-7

© Бухаев С.Д., 2010

*Евгений ХАНХАЛАЕВ,
Управляющий отделением
Пенсионного фонда России
по Республике Бурятия,
депутат Народного Хурала
Республики Бурятия,
ветеран бокса*

ОНИ – НАША ГОРДОСТЬ, НАШЕ ДОСТОЯНИЕ

Вместо предисловия

В историю бурятского бокса, отметившего свое 65-летие, вписано немало ярких, славных имен рыцарей кожаной перчатки, одно перечисление их заняло бы не одну страницу. Нельзя обойти молчанием имена Виктора Банзаракцаевича Бадмаева, Михаила Борисовича Дворкина, Бадмы Бадмажаповича Жигмитова и Владимира Михайловича Николаева. В далеком 1957 году им (в алфавитном порядке), первым в Бурятии, было присвоено высокое почетное звание мастера спорта СССР по боксу. При этом Мише Дворкину только-только исполнилось 18 лет, и он лишь первый год выступал в разряде взрослых спорт-сменов. Правда, годом раньше и сразу звание заслуженного мастера спорта СССР было присвоено первому в истории советского спорта олимпийскому чемпиону по боксу, воспитаннику бурятской школы бокса Владимиру Константиновичу Сафронову.

Первыми бурятскими наставниками будущих чемпионов в те годы стали практически боксеры-самоучки, студенты зооветеринарного института (ныне БГСХА) Ревомир Гусев, Владимир Николаев, Константин Зонхоев, Самуил Собенников. Первыми профессиональными тренерами стали выпускник Иркутского техникума физкультуры, чемпион РСФСР 1947 года среди юношей Александр Ринчинов и выпускник Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта Антон Атарханов. Впоследствии Ринчинов, Атарханов и Владимир Николаев станут заслуженными тренерами РСФСР и РФ.

Однако и в этом блистательном созвездии имен наиболее яркими звездами сверкают имена Владимира Сафронова и всенародного любимца, участника двух подряд Олимпиад (Рим-1960 и Токио-1964), серебряного призера Токио, чемпиона и обладателя Кубка Европы, заслуженного мастера спорта Велингтона Иннокентьевича Баранникова. Их спортивные подвиги в обязательном порядке должны были найти отражение в публицистической, сугубо документальной литературе, ибо, если человек, к сожалению, все же смертен, то книга живет вечно. Не случайно же говорят: что написано пером, того не вырубишь и топором.

В прошлом боксеру и тренеру, ныне известному писателю и журналисту Сергею Бухаеву повезло достаточно близко знать и Владимира Сафронова, и Велингтона Баранникова, с которым ему довелось сражаться непосредственно в ринге и с которым они по-мужски крепко дружили.

Итак, перед нами документальные повести «Первый — он навечно первый» о В. Сафронове, «Наш Баязид молниеносный» о В. Баранникове, документальный рассказ «Поэтом можешь ты не быть» о В. Доржиеве и художественная повесть «Любовь в квадрате ринга» Сергея Бухаева, изданные под одной обложкой.

Отмеченные выше близость и дружба с героями повестей, незаурядное знание автором самого предмета разговора, многих и многих перипетий жизненного пути бойцов привносят в повествование необыкновенный и совершенно бесспорный эффект непосредственного присутствия при описываемых событиях. Так и кажется, что в том или ином моменте и мы, читатели, находимся рядом с героями.

Достоверность описываемых и переживаемых событий не вызывает и малейшего сомнения. Неплохо зная Велингтона Иннокентьевича, в особенности, в последние двадцать лет его жизни, постоянно и регулярно общаясь с ним, ведя с ним продолжительные дружеские беседы, я и не подозревал, что герой повествования обладает богатырским, поистине идеальным для боксера здоровьем. Об этом наглядно свидетельствуют приведенные в повести выдержки из дневниковых записей Велингтона, произведенные им собственноручно. Лично я, например, был несказанно поражен, когда узнал, что частота ударов пульса у бойца до тренировки составляла 52-54 удара, а после двухчасовой тренировки увеличивалась всего-то на 3-4 удара. Да, с таким совершенным здоровьем можно было, конечно, покорять любые олимпийские вершины!

Мне кажется, что автору особенно удалось подчеркнуть неизбывное трудолюбие своего героя, его, можно сказать, фанатичную преданность раз и навсегда избранному делу. Еще большая удача поджидает Сергея Бухаева в тех моментах, когда он рассказывает о сугубо психологической подготовке, психологической устойчивости бойца, о воспитанной им с детства психологии победителя, о его храбрости и мужестве. С подлинным ощущением открытия читаю о спарринг-поединках Велингтона на учебно-тренировочных сборах в Леселидзе перед Олимпиадой-1960 в Риме. В принципиальных поединках с победителем предыдущей Олимпиады в Мельбурне земляком Владимиром Сафроновым, трехкратным чемпионом СССР Геннадием Какошкиным, с одним из сильнейших легковесов СССР Анатолием Дергаусовым Велингтон одержал тогда бесспорную победу.

Одновременно автор с завидным знанием дела и тонкостей учебно-тренировочного процесса, функциональной и психологической подготовки бойцов критикует подходы и методику работы тогдашнего главного тренера сборной СССР, заслуженного мастера спорта, 10-кратного чемпиона страны Сергея Щербакова. Для подобных высказываний в адрес маститого метра требуются не только определенные профессиональные, в смысле бокса, знания, но и достаточное гражданское мужество.

Или возьмем описываемые автором бои Велингтона Иннокентьевича на Олимпиаде в Токио в 1964 году. Замечательно, выпукло, зримо, без обиняков и напрямую жестко рассказано о четвертьфинальном поединке Велингтона с двукратным чемпионом Европы венгром Яношем Кайди — учеником прославленного трехкратного олимпийского чемпиона Ласло Паппа. Писателю с тонким знанием дела удается более чем выразительно ввести читателя

в такие детали и тонкости технического, тактического и стратегического мастерства нашего героя, что поневоле проникаешься глубоким уважением к автору за его знание предмета разговора, что называется, изнутри, подспудно, за умение преподнести материал доходчиво и ясно. Так может сделать только человек, прекрасно знающий бокс и его составляющие, знающий досконально. Впрочем, удивляться этому не стоит, потому как автор и сам в свое время работал профессиональным тренером по боксу, став одним из зачинателей нашего вида спорта на строительстве Бурятского участка БАМ.

Проникновенно, глубоко профессионально писатель рассказывает о полуфинальном и финальном поединках Велингтона Баранникова под сводами спорткомплекса Каракуэн с ирландцем Маккуртом и польским бойцом Юзефом Грудзенем, с которым он боксировал уже с переломом двух фаланг пястных костей на своей левой, «ударной» руке, когда любое движение пронзает все тело нестерпимой болью. Особенно волнующе звучат строчки, рассказывающие о том, как от излишней заморозки, блокады травмированных фаланг у Велингтона буквально двоит в глазах перед решающим поединком за олимпийское золото с Грудзенем, справедливо считавшимся в ту пору одним из сильнейших «технарей» мирового бокса. Сколько же мужества, несокрушимой силы воли потребовали от нашего земляка те два ответственнейших поединка!..

Конечно, главной составляющей повествования остается Его Величество Бокс в трактовке и проповедовании Велингтона Баранникова со всеми его атрибутами, «прилагательными» и перипетиями. Но, в то же время, хотя и излишне бегло, автор показывает нам своего друга в его взаимоотношениях с людьми, с друзьями по спорту, работе, службе, с близкими, родными ему людьми. Из повести мы узнаем, что Велингтону Иннокентьевичу Баранникову присвоено почетное звание, извините за игру слов, Почетного гражданина Республики Бурятия под номером один. Мы узнаем о том, что после защиты диплома в МВТУ имени Баумана наш герой работает в конструкторском бюро автозавода имени Лихачева, служит в Группе советских войск в ГДР, а после завершения спортивной карьеры по зову правительства нашей республики возвращается на свою малую родину, хотя в Москве к тому времени у него была своя замечательная квартира, кстати, «пробитая» для него тогдашним президентом Федерации бокса СССР, космонавтом, дважды Героем Советского Союза Павлом Романовичем Поповичем, который попросту был безмерно влюблен в бойцовское искусство нашего земляка. Велингтон Иннокентьевич преподает на военной кафедре ВСТИ (ныне ВСГТУ), одновременно исполняет обязанности тренера в республиканской школе Высшего спортивного мастерства, являясь куратором сборных Бурятии по боксу среди юношей, взрослых, молодежи. Именно в эти годы взошла и ярко зажглась звезда одного из сильнейших боксеров-профессионалов мирового бокса в легчайшем весе Александра Бахтина — ученика бурятского тренера Валерия Номхоева...

Более 40 лет назад, в 1965 году, когда Велингтон завоевал звание чемпиона Европы, «отомстив» Юзефу Грудзеню за токийское поражение, Сергей Бухаев, в ту пору студент Литературного института имени Горького, написал о нашем герое восторженный очерк «Звезда, которая вспыхнула», опубликованный в центральной газете «Советский спорт». Затем через 30 лет, в 1996 году, писатель издает документальную книгу очерков о звездах бурятского бокса под названием «Там, за тугими канатами ринга», одним из главных героев которой становится, конечно же, Велингтон Баранников. Изданная тиражом в 10 тысяч экземпляров книга эта сейчас — дефицитнейшая библиографическая редкость, ибо адресована она была

юным и молодым, размышляющим на тему «делать жизнь с кого». Многие, очень многие тогда начинали «делать жизнь» с Велингтона Иннокентьевича Баранникова.

— Более того, я знаю по Бурятии, России и тогдашнему СССР порядка тридцати парней тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения, которых родители назвали именем Велингтон,— рассказывает писатель. — Не говорит ли это о том, что Виля стал для нас не только национальной гордостью, но и национальным достоянием?!

Через 45 лет писатель вновь возвращается к теме Велингтона Баранникова, создает о нем документальную повесть «Наш Баязид молниеносный». А ведь известно, что создать документальное произведение гораздо сложнее и труднее, нежели «сочинить» художественное повествование, поскольку автор буквально привязан к временным и событийным рамкам. Публичный человек, каковым безусловно и безгранично был Велингтон Иннокентьевич Баранников, всегда на виду, многие и многие знают о нем отнюдь не понаслышке, и тут писателю любое отклонение от правды влево или вправо — бегству подобно.

Рассказывая о нашем герое сочным, свежим литературным языком, писатель, считаю, ни на йоту не отклонился от правды ни влево, ни вправо. Его правдивое слово сейчас втрое дороже оттого, что три года назад Велингтон Иннокентьевич Баранников трагически погиб, спасая от неминуемой смерти совершенно незнакомого ему человека. Вот таким он был, наш Велингтон: добрым, отзывчивым, беззаветным.

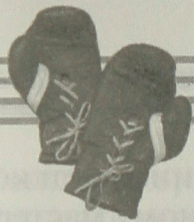
Прочитав повесть Сергея Бухаева, что называется, запоем, воздавая должное его знаниям, верности в дружбе, профессиональному мастерству, не могу не сказать о том, что все еще ждут своего часа, правдивого и поучительного описания выдающегося таланта, мастерства искусства таких деятелей и личностей бурятской культуры, каковыми были и есть Лариса Сахьянова и Петр Абашеев, Лхасаран Линховоин и Ким Базарсадаев, художник Дашанима Дугаров, великолепные спортсмены Борис Будаев и Бальжинима Цыремпилов. Включение последних двоих в предлагаемый мною список может показаться кому-то излишним, поскольку и Борис, и Бальжинима «всего лишь» спортсмены. Однако так могут сказать люди, не осознавшие того, что физкультура и спорт далеко не забава от пресыщенности, а мощнейший рычаг современной политики и экономики, что они стали достоянием не просто культуры, а достоянием и признаком всей общечеловеческой культуры.

Именно великие спортсмены, к каковым я отношу и Велингтона Баранникова, истинные звезды спорта мирового уровня создают сегодня бесценные моральные, нравственные, духовные ценности, не подлежащие переоценке, закладывают краеугольные камни в фундамент нашего патриотизма и гражданственности. Своей документальной повестью «Наш Баязид молниеносный» Сергей Бухаев один такой камень заложил. Хочется надеяться, что его активно поддержат в данном жанре литературы и другие талантливые бурятские писатели и публицисты.

А в заключение вот о чем.

Документальная повесть «Наш Баязид молниеносный» подкреплена и другой, сугубо художественной повестью Сергея Бухаева «Любовь в квадрате ринга». И вновь писатель в своем творчестве остается верным теме бокса и тем, кто творит его искусство. Далеко не литературный профессионал, я не берусь судить о художественных достоинствах повести, но одно то, что она принесла автору звание лауреата литературной премии имени Исая Калашникова, уже говорит само за себя красноречивее многих слов.

Прочти эти повести, молодой читатель, учись, подражай, бери пример с их героев!

ПЕРВЫЙ – ОН НАВЕЧНО ПЕРВЫЙ

или незабываемые встречи с олимпийским чемпионом

*Документальная повесть о первом советском олимпийском чемпионе
по боксу и чемпионе мира, заслуженном мастере спорта СССР
Владимире Константиновиче Сафронове*

Владимир Сафронов с мамой Анной Федоровной на вокзале г. Улан-Удэ
при встрече олимпийцев с земляками

В декабре 2009 года, а еще точнее — 30 декабря, первому в истории советского и российского спорта олимпийскому чемпиону по боксу, заслуженному мастеру спорта СССР, воспитаннику бурятской школы бокса Владимиру Константиновичу Сафронову исполнилось бы 75 лет. Тремя годами раньше, в 2006 году, спортивная Москва и Центральный спортивный клуб армии достаточно публично отметили 50-летие первой советской олимпийской золотой медали по боксу. А вот наша бурятская спортивная общественность обошла это историческое событие с поистине «олимпийским» спокойствием, как и 75-летие прославленного бурятского рыцаря кожаной перчатки. Вот уж в самом деле: с глаз долой — из сердца вон...

В том декабре 2009-го мне вспомнился декабрь 1956 года. Привокзальная площадь станции Улан-Удэ забита народом до отказа, яблоку негде упасть. Мороз до того жуткий, что людское дыхание падает к ногам шелестящими кристалликами снежинок, излучающих невероятное, сказочное свечение и мерцание. Доселе ничего подобного в мои семнадцать лет отроду я в жизни не наблюдал. У многих за отворотами пальто и шуб откуда-то взявшиеся, бережно обернутые газетами и фольгой невиданные в декабре живые цветы. Такого в Улан-Удэ я тоже еще никогда не видел. Музыканты военного духового оркестра не в шинелях, а в офицерских длиннополых овчинных бекешах то и дело протирают мундштуки медных инструментов ватками, сладко пахнущими спиртом, не стесняются и принять его, как говорится, на грудь. Все вокруг — живое и неживое — охвачено нетерпеливым ожиданием необычного пассажирского поезда «Москва — Владивосток».

Почему необычного? Да потому, что едут в нем наши олимпийцы — победители XVI Олимпиады в далеком-далеком австралийском Мельбурне, где они впервые в истории в неофициальном командном зачете обошли доселе непобедимых американцев. Не после ли этой исторической победы великого прожектера Никиту Сергеевича Хрущева осенила идея во всем «догнать и перегнать Америку»?.. А еще необычного потому, что в одном из вагонов олимпийского поезда прибывает на свою малую родину первый в истории советского спорта, как уже сказано выше, олимпийский чемпион по боксу, ученик Александра Бадмажаповича Ринчинова и Владимира Михайловича Николаева, русский паренек с улицы Шмидта, наш бурятский национальный герой Володя Сафронов. И, как мне помнится, никто из собравшихся встречающих не сообразил, кроме цветов и улыбок, приветственных речей, прихватить с собой пальто или шубу, напрочь позабыв о том, что спортсмены выезжали в далекую Австралию едва ли не в летнем одеянии. В эйфории от исторической победы триумфаторов из Мельбурна до Владивостока доставляли на океанском лайнере «Грузия», а путь до берегов Родины занял почти месяц со дня отплытия...

Неумолчно гремит бравурная музыка, люди смеются, подзадоривая, крепко хлопают друг друга по плечам и спинам, обнимаются и целуют друг друга. Такого единения в людях в нашей столице я больше никогда не видел. Кое-кто, а таких очень даже немало, как в порядке вещей, открытым текстом прикладываются к спиртному, а ведь тогда с этим о-ох как строго было!..

И вот он — долгожданный, громогласный паровозный гуд, облепленный транспарантами локомотив в облаке пара, в кумаче и гирляндах. Состав медленно-

медленно, церемониально движется по первому — конечно же! — по первому пути и, наконец, умиротворенно замирает.

— Ура! Ура! Владимиру Сафронову — ура! — несется со всех сторон.

Ах, как мы еще умели тогда радоваться и ликовать!

Мы, воспитанники Александра Бадмажаповича Ринчинова, кстати, первого из бурят чемпиона России среди юношей, каковым он стал еще в 1947 году, стараемся держаться кучкой, хотя какая там кучка, когда кругом сплошное столпотворение. Сам Александр Бадмажапович прикрывает варежкой глаза, и я всерьез подозреваю, что подобным способом он прячет от нас свои непрошенные слезы. А мог бы и не делать этого, что уж прятать слезы, когда голубая мечта любого наставника обернулась неопровержимой явью. Один из многочисленных учеников нашего тренера пробился в олимпийские чемпионы и одновременно в чемпионы мира среди боксеров-любителей. Владимир Сафронов — уже принадлежность, уже достояние мирового спорта. И как раз поэтому считаю необходимым устранить одну историческую неточность. Кто-то из нашей пишущей братии некогда заявил в печати, что первым тренером первого советского олимпийского чемпиона по боксу был Александр Бадмажапович Ринчинов. Это не совсем так. Абсолютно честный во всех отношениях и справедливый Александр Бадмажапович говорил, что первые уроки боксерского искусства Владимиру Сафронову преподавал в Улан-Удэ Феликс Иванович Ченкиров. Когда будущий заслуженный экономист Бурятии уехал на учебу в Москву, Владимир стал тренироваться под руководством как раз его, Александра Ринчинова. Однако, вскоре подросший Сафронов перешел в весовую категорию своего наставника, и они теперь стали не тренер и ученик, а соперники, а это уже другая форма и градация взаимоотношений. По совету самого Ринчинова вчерашний ученик в весе пера перешел под опеку средневеса Владимира Михайловича Николаева. В 1952 году, поступив в Иркутское училище изобразительных искусств, Владимир стал тренироваться под руководством основателя иркутского бокса Вадима Петровича Хардина, а уже через год, то есть в 1953 году, впервые стал чемпионом РСФСР среди взрослых бойцов в Волгограде. Это свое достижение Владимир Сафронов повторил и на следующий год. Так что будет справедливо, если основным его улан-удэнским тренером мы все же назовем Владимира Михайловича Николаева, воспитавшего, кстати, еще одного нашего дважды олимпийщика Велингтона Баранникова.

И еще одна журналистская неточность. Та же наша пишущая братия после триумфа в Мельбурне писала, что Владимир Сафронов приехал на Олимпиаду перво-разрядником, а вернулся заслуженным мастером спорта. В общем-то, это так — в общем, но не в принципе. По тогдашней спортивной классификации, чтобы удостоиться звания мастера спорта по боксу, надо было стать по меньшей мере третьим призером чемпионата СССР или пробиться в финал чемпионата России. Владимир Сафронов, как мы уже сказали, дважды — дважды! — становился к тому времени чемпионом РСФСР и твердо входил в состав сборной СССР. Но... Бюрократия и волокита и тогда праздновали победу. Потенциально и заслуженно Владимир Сафронов в 1956 году уже был мастером спорта, а вот юридически, официально... Однако, вернемся к нашим пенатам.

Слева — олимпийский чемпион Владимир Сафронов. Справа от него заслуженные мастера спорта, чемпионы Олимпийских Игр Олег Григорьев, Владимир Енгибарян и чемпион Европы Алоиз Туминых (1959)

на миг. Кордоны милиции смяты, улан-удэнцы неудержимо рвутся к олимпийцам. Мы с другом по секции, будущим кандидатом ветеринарной медицины Юрием Хатановым запомнили номер вагона, из которого вышел к землякам олимпийский чемпион и, здраво рассудив, что именно в этом вагоне едут его друзья по боксерской дружине, в том числе и олимпийские чемпионы Владимир Енгибарян и Геннадий Шатков, ринулись к нему. До сих пор диву даюсь тому, как нас не затоптали, поскольку весом-то мы тогда не достигали и полсотни килограммов.

Эйфория!

Наши власти предержажие, видимо, даже и не подумали пригласить в театр этих двух легендарных мастеров ринга, а самому Владимиру, наверное, было не до того, потому как он сразу же оказался в плотном окружении родственников, школьных друзей и своих восторженных поклонников.

Команду боксеров мы нашли в середине вагона в тесном кольце опередивших нас болельщиков. Из рук в руки гуляли золотые медали Енгибаряна и Шаткова, серебряные — тяжеловеса Льва Мухина из Ростова-на-Дону, бронзовые — легко-веса Анатолия Лагетко из Краснодара и полутяжеловеса Робертаса Мураускаса из Литвы. С присущим кавказским акцентом, темпераментно и по-армянски громогласно, в лицах, с необычайным чувством юмора вещает об олимпийских баталиях красавчик Владимир Енгибарян.

— В финальном бою, как и три года назад на чемпионате Европы в Люцерне, я боксирую с Лешекком Дрогошем. Там, по мнению арбитров, я ему вроде бы чуточку проиграл по очкам, хотя мое собственное мнение, опирающееся на мнение наших тренеров и специалистов, было полярно противоположным. А к Мельбурну я припас для него некую домашнюю заготовку. Какую?.. О-о, дорогие мои, это секрет фирмы, — поблескивая горячими глазами, рассказывал олимпийский чемпион. —

Кавалькада легковушек увозит олимпийского чемпиона, Александра Ринчинова и Владимира Николаева в наш тогда еще не академический театр оперы и балета, где Владимира Сафронова ждет встреча с прессой, партийной, советской и спортивной общественностью. Большинство же олимпийцев, в том числе и боксеров, не может поехать в театр по причине отсутствия как раз зимней одежды. Сам Владимир Сафронов, к примеру, в одном пиджачке. Кудряво-головый, взволнованный, радостный, ликующий. А ведь всего лишь месяц назад он сражался в Мельбурне бритоголовым из-за сгонки лишнего веса.

Скопище людское остается на перроне, двери вагонов широко распахнуты, несмотря на мороз, и не закрываются ни

Перед боем нас с ним уводят в отдельную комнату, судьи при участниках наблюдают, как мы бинтуемся, выдают новенькие опломбированные перчатки, надевают нам на руки и шнуруют. Так принято на Олимпиадах. Через две-три минуты нас вызовут в ринг. Сидим, посматриваем друг на друга. А меня вдруг неуместное веселье разобрало. «Здорово, поляк!» — говорю ему с улыбкой. Дрогош русский язык, может, еще получше моего знает, а тут отмолчался. Ну, выходим в центр ринга, пожимаю ему руку и шепчу: «Ну, держись, поляк!»... В конце третьего раунда, когда Лешек заметно подустал, удается мне припасенная домашняя заготовка. Дрогош остолбенело вперился взглядом в пустоту и медленно-медленно, как на рапидной киносъемке, обваливается набок: «Гуляй, поляк!»...

Еще один, наш третий по хронологии событий олимпийский чемпион, средневес, завершивший все свои бои в Мельбурне досрочно, не говоря ни слова, лишь скромненько поддакивал Енгибаряну. Много позже, когда доктор юридических наук, профессор Ленинградского госуниверситета приехал к нам в Улан-Удэ на международный турнир памяти Владимира Сафронова, мне, уже мало-мальски поднаторевшему на журналистском поприще, все же удалось лишь немного разговорить Геннадия Ивановича, да и то с помощью его супруги Тамары Михайловны. А тогда...

— Скажите, а как там наш Володя выглядел? — спросил кто-то из толпы.

— О-о, Володя-джан! — по-горски прицокивая языком, картинно разводит руки в стороны Владимир Енгибарян, потряхивая кудлатой головой. — Прима! Брависсимо! Балерун с могучими руками и мудрой головой. Он ведь и в жизни, и в ринге настоящий художник. Прошел по нему в Мельбурне как по подиуму на вернисаже. Правду говорю, истинную правду! Таким бойцам, как ваш земляк, при жизни надо памятники ставить...

До олимпийских баталий на зеленом континенте мне удалось увидеть в ринге Владимира Сафронова лишь в пяти боях. Впервые это случилось в декабре 1955 года в Иркутском театре юного зрителя в ходе матчевой встречи «стенка на стенку» Иркутск — Улан-Удэ. Команды выступали тогда сразу двумя составами: сборная юношей и сборная взрослых бойцов. Сборная юношей, среди которых боксировал и ваш покорный слуга, буквально разгромила хозяев ринга, зато нашим старшим товарищам пришлось очень даже нелегко.

В первом бою наш «мухач», будущий мастер спорта Бадма Жигмитов, в равном бою уступает якуту Филиппу Анисимову — тогда учащемуся техникума физкультуры и также будущему мастеру спорта СССР. В весе «пера» будущий мастер спорта Виктор Бадмаев в поединке также с будущим мастером спорта Виктором Белых становится жертвой судейского произвола. И вообще я тут должен заметить, что в иркутском ринге побеждать по очкам очень даже проблематично. И вот выходят в ринг полулегковесы Владимир Сафронов и Александр Ринчинов. Год назад былой ученик и былой тренер уже боксировали между собой в чемпионате РСФСР в тогдашнем Сталинграде, где уверенную победу одержал более молодой Владимир.

Итак, декабрь 1955 года, матч Иркутск — Улан-Удэ. Владимир Сафронов, к тому времени уже дважды чемпион России, и недавний его наставник, также чемпион России, но только среди юношей, Александр Ринчинов, возрастная разница между

ними всего-то ничего: три года. Оба прекрасно знают друг друга, возможности и того, и другого. Ринчинов очень популярен в Иркутске, поскольку здесь он учился и заканчивал тот же физкультурный техникум, был чемпионом Иркутской области, на которого наши соседи ходили как в театр на выступления популярнейших артистов. Иркутяне хорошо знают и помнят его нокаутирующие удары, его блестящую технику ближнего боя и ждут от него очередного сюрприза.

Сюрприз состоялся в концовке второго раунда. Ринчинов раскручивает свое «фирменное солнышко Дэмпси» и резко бросается вперед. А бывлой ученик начеку, он хорошо знает о коронном ударе своего оппонента. Встречный прямой справа вразрез, исполненный четко и точно, застаёт Александра Бадмажаповича в броске. На мгновение он как бы замирает в воздухе, а затем, обваливаясь, рушится на настил ринга...

Сам Александр Бадмажапович к тому поражению отнесся философски:

— Научил на свою голову...

Второй, третий, четвертый и пятый бои будущего олимпийского чемпиона я видел уже на сцене Бурятского театра оперы и балета, где проводились боксерские баталии первенства Дальнего Востока в зачет I Спартакиады народов РСФСР. Здесь Владимир Сафронов представляет команду уже не Иркутской, а Читинской области, где после окончания училища изобразительного искусства проходит действительную воинскую службу. Первый и второй бои Владимир проходит как локомотив «по зеленой улице». Такой изящной, непринужденной, импровизационной игры в ринге видеть еще не доводилось. Сафронов бесподобно чувствовал дистанцию — до миллиметра, отличался, как мне тогда показалось — семнадцатилетнему — сверхчеловеческой реакцией на любое движение оппонента. А какие финты одним лишь движением головы, поворотом корпуса, плеч, взглядом он демонстрировал!.. А какие пулеметные серии и связки ударов из самых немыслимых ситуаций и позиций

он показывал!.. Мы тогда восхищались бойцовским искусством Александра Ринчинова, Виктора Бадмаева, Владимира Николаева, сокрушительным ударом Станислава Шодорова. Однако, искусство Сафронова... Нет, это было нечто бесподобное, невиданное, на порядок выше, нежели у наших кумиров.

А вот финальный поединок с литовцем Витольдом Саукасом, представлявшим не то Хабаровск, не то Благовещенск, поверг всех в немалое недоумение и смятение. Сафронов был совершенно неузнаваем, начисто изменив своей игровой манере боксирования. Либо повел себя слишком самоуверенно, либо решил проверить себя в некоей экстремальной ситуации. Хотя, вряд ли,

Владимир Сафронов (крайний справа) перед чемпионатом Европы 1957 г. в Берлине. Крайний слева — олимпийский чемпион Мельбурна в легчайшем весе Вольфганг Берендт (ГДР)

уж слишком велик в боксе риск: ничто не гарантирует безопасности от какого-либо шального, случайного удара оппонента или от того же, скажем, непредвиденного глубокого рассечения брови, а то и более серьезной травмы.

Словом, не бой, не зрелище получилось — сплошные, как говорится, сопли и вопли. Сражались бойцы на встречах курсах на ближней и средней дистанциях, шел откровенный обмен тяжелейшими ударами с обеих рук, кость в кость, когда заметное превосходство в мастерстве одного над другим попросту нивелируется. В итоге Сафронова все-таки признали победителем, но впечатление от его искусства оказалось порядочно-таки смазанным. Почти через два десятка лет, в частной беседе, Владимир Константинович признается, что накануне финала состоялась встреча с одноклассниками, друзьями детства и юности, и в день финала он был не совсем адекватен, а неадекватность, знаете ли, в любом предприятии чревата последствиями.

Ну, а через три месяца была Москва, Лужники, I Спартакиада народов РСФСР. Проведя пять боев, Сафронов по уровню мастерства, по диапазону боевых действий оказался выше всех, уже в третий раз фактически став чемпионом России. Удивили и класс нашего земляка, его несокрушимая вера в свои силы и возможности, филигранное искусство защиты и атаки. Особенно это проявилось в финальном поединке с кемеровским мастером спорта, одним из сильнейших полулегковесов СССР Евгением Червовым. Сафронов тогда юридически все еще считался перворазрядником, но на деле получалось так, будто финалисты поменялись званиями: в ринге безраздельно властвовал боец из Забайкалья.

Однако, к финальным боям уже I Спартакиады народов СССР за сборную России предпочли призера чемпионата Европы, заслуженного мастера спорта Александра Засухина из Свердловска, который, кстати, и стал ее победителем. И все же тренеры сборной СССР на предолимпийские учебно-тренировочные сборы пригласили и нашего земляка. А тренировали сборную СССР к баталиям в Мельбурне доктор педагогических наук, профессор Константин Градополов и 10-кратный чемпион СССР, серебряный призер XV Олимпиады в Хельсинки Сергей Щербаков. Был приглашен на сборы и великолепный «технар» Мишель Папазян из Еревана.

Рассказывает участник того же сбора, еще один воспитанник бурятской школы бокса, но вполне доморощенный, будущий мастер спорта Бадма Жигмитов: «На тех предолимпийских сборах мы с Володей оказались единственными перворазрядниками — все остальные являлись либо мастерами, либо заслуженными мастерами спорта. В каждом весе по три-четыре кандидата на олимпийскую путевку. В полулегком весе, кроме Володи, готовятся те же Александр Засухин и Мишель Папазян. Жара в те дни зашкаливала в Ташкенте за 42 градуса в тени. Ташкент избрали для сборов специально, чтобы смодулировать условия Мельбурна. Я от жары места себе не нахожу, а Володе хоть бы что. Я от жары в бассейне спасаюсь, а Володя в это время все накручивает и накручивает километры легкоатлетического кросса — прямо-таки двужильный какой-то. А как он на снарядах трудился! Вот откуда начинались знаменитые сафроновские пулеметные серии ударов.

Вскоре выяснилось, что необычайно техничный, скоростной Мишель Папазян — невыездной спортсмен из-за его эмигрантского, французского происхожде-

мексиканским бойцом. Тренеры, наблюдавшие за поединком с де Суаза, с некоторой опаской доложили, что и француз левша, к тому же намного искуснее итальянца во всех компонентах боксерского искусства. А с опаской говорили потому, что до Олимпиады — так уж сложилось — Сафронову почти не доводилось встречаться с бойцами-левшами на международном уровне, и они для него в какой-то степени составляли определенную проблему. К тому же, сказали тренеры, в активе у де Суаза сокрушительный удар справа. Однако воспользоваться им советский боец не позволил француз ни разу. И на этот раз вердикт арбитров был единодушен: победил боец в красной майке с гербом СССР на груди.

— Мд-да, парни, опять не повезло, — сказал друзьям по сборной СССР Владимир, когда выяснилось, что в полуфинале ему будет противостоять польский чемпион Европы Генрик Недзвецкий. — Так хотелось сразиться с каким-нибудь негром или латинос с американского континента. Об их драчливости легенды ходят, а с драчунами я люблю поиграть. Позавчера француз мексиканца из сетки вышиб, а теперь этот Недзвецкий американца побил. Когда я теперь с негром сражусь — одному Богу известно...

— Удивительным человеком и бойцом был Володя, — более 20 лет назад говорил у нас в Улан-Удэ дважды чемпион Европы и победитель Олимпиады в Мельбурне Геннадий Иванович Шатков, приехавший как раз на международный турнир памяти Владимира Сафронова. — Я был в Мельбурне старшим в команде по возрасту и к тому же капитаном команды. И по возрасту, и по должности я вроде бы должен был опекать дебютанта. Но получилось так, что ни в какой опеке Володя не нуждался, создавалось впечатление, что никаких авторитетов для него не существовало. Единственным недостатком Сафронова в Мельбурне было то, что он не знал иностранных языков, в частности, — английского. Между тем, в Австралии большинство газет выходит как раз на английском. Потому-то мне и приходилось выступать в качестве переводчика для Володи. А писали о нем тогда в газетах всякую всячину, называя его не иначе как русским медведем. Писали, помню, даже о том, что у вас в Улан-Удэ медведи у людей с рук кормятся. То-то было у нас по этому поводу смеху!..

Итак, полуфинал Олимпиады: Генрик Недзвецкий (Польша) — Владимир Сафронов (СССР), польский «пан» и сибирский «медведь». Три года назад Генрик Недзвецкий, победив в финале нашего Александра Засухина, стал чемпионом Европы. А год назад на очередном чемпионате Европы вновь вышел в финал, где с очень небольшим преимуществом арбитры присудили победу его сопернику, англичанину Томми Никольсу, признанному самым техничным бойцом европейского континента. Что уж там говорить, за плечами у Недзвецкого богатейший опыт боев на международном ринге. У Сафронова же в активе до Мельбурна опыт всего лишь трех боев на международном турнире бойцов из стран социалистического лагеря: с румыном, болгаринном и чехом, в которых он одержал три победы.

Наши тренеры хорошо знали возможности польского бойца, не досадовали, а даже радовались тому, что он левша: итальянец и француз оказались неплохими спарринг-партнерами для нашего земляка. А параллельным курсом столь же уверенно приближался к финалу действующий чемпион Европы Томми Никольс.

С Недзвецким у Сафронова были проблемы до самой концовки второго раунда. Опытный, техничный, тактически грамотный, разнообразный в маневрах, подвижной и стойкий, польский боксер не шел на Сафронова направо, как это делали у него итальянец и француз. Он избрал излюбленную Сафроновым тактику активной контратаки, четко перекрывал атаки нашего земляка, умно и эффективно защищался, а при случае пытался и сам перейти к навалу. Правда, дивидендов этому не приносило, ибо в защитных действиях Владимир в тот день был безупречен. Уловкой, получалось так, что коса, как говорится, нашла на камень.

— Пришлось пойти на тактическую уловку, — три года спустя, уже в Москве, рассказывал мне Владимир Константинович. Правда, для меня он тогда Константиновичем еще не был. Разница в пять лет не казалась тогда существенной. — Я сделал вид, что крайне устал, движения мои стали вялыми, замедленными, кое-какие несущественные удары соперника я стал пропускать, особенно по корпусу. Уловка получилась настолько правдоподобной, что на нее клюнул даже секундировавший мне многоопытнейший Сергей Щербаков. В один из моментов он даже закричал: «Будь мужчиной, Володя, держись! Слева! Слева не пропускай!» Клюнул на мою провокацию и Недзвецкий. В какой-то миг вижу, как алчно вспыхнул у него взгляд, как дернулась к плечу его левая. И тут я делаю шаг навстречу, молниеносно пускаю в ход свою правую вразрез. Сделал это точно так, как сделал, если помнишь, годом раньше в бою с Сашей Ринчиновым в Иркутске... После такого нокаута Недзвецкий достойного сопротивления уже не оказывал, надломился чисто психологически...

Итак, серебряная медаль, поначалу даже не планировавшаяся нашими специалистами и функционерами от спорта, уже обеспечена. Ну, а раз есть серебряная, то отчего бы не замахнуться и на золотую?! Не Боги же горшки обжигают, да и аппетит приходит во время еды!

На финальный поединок за золотую олимпийскую медаль наш земляк выходит... наголо стриженным. Утром на предварительном взвешивании выяснилось, что у Володи без малого сто граммов лишнего веса. Откуда они вдруг взялись? Обычно в ходе соревнований у представителей спортивных единоборств вес мало-помалу «сгорает» и к концу остается даже какой-то запасец. А тут... Злую шутку, возможно, сыграла излишняя уверенность в конечном успехе. Не поосторожничал за ужином — вот и результат. Вот и пришлось финалисту остричься. А ведь каким Володя в те годы был! Волнистость волос — на загляденье.

Как выше уже говорилось, иностранными языками Владимир тогда не владел, и английским в том числе тоже. Зато им отлично владел капитан нашей сборной, двукратный чемпион Европы, аспирант Ленинградского госуниверситета Геннадий Шатков. Сразу же после взвешивания и завтрака он приходит в комнату Сафронова в олимпийской деревне с кипой всевозможных газет с интервью и прогнозами относительно исхода финального сражения «британского льва» с «сибирским медведем», где обозреватели разных изданий в один голос безоговорочно отдают победу бойцу с берегов туманного Альбиона. А Володе от этого стало, как он после рассказывал, «чуть ли не до истерики весело».

Вот таким — совершенно раскованным, бесшабашно веселым и, можно сказать, легкомысленным — Владимир Сафронов и вышел на поединок с «лучшим технарем мира», чтобы поспорить с ним за олимпийское золото. Один из тренеров сборной, серебряный медалист XV Олимпиады в Хельсинки, обойденный чувством юмора Сергей Щербаков даже пожурил его за это «легкомыслие», еще и еще раз напомнив, что именно он, Владимир Сафронов, может стать первым в истории советского спорта олимпийским чемпионом по боксу.

Как раз тут-то и стоит, по-моему, рассказать о выступлении советских боксеров на той самой XV Олимпиаде. Это была вообще первая в истории для советских спортсменов Олимпиада. В целом-то советские мастера кожаной перчатки к тому 1952 году вообще почти не имели никакого международного опыта, потому как даже в первенствах Европы еще не выступали. Отсутствие опыта и сыграло злую шутку с нашим тяжеловесом Альгирдасом Шоцикасасом, на которого все наши специалисты возлагали главные надежды.

В первом же бою он боксирует с Ниманом, кажется, из Новой Зеландии, где бокс вообще не пользуется популярностью до сих пор. После первого удара гонга Альгирдас — интеллигент до мозга костей, идя навстречу сопернику, протягивает ему руки для приветствия. А тот вместо рукопожатия наносит нашему бойцу тяжелый удар, после которого он оказывается в нокдауне. Рефери открывает счет. При счете «восемь» Шоцикасас принимает боевую стойку, а в это время Ниман из-за спины рефери вновь наносит удар, после которого Альгирдас уже не может продолжить поединок...

Бронзовой медали в Хельсинки удостоился наш «мухач» Анатолий Булаков, прославившийся тем, что, выступая в самой наилегчайшей весовой категории до 51 килограмма, большинство своих боев четырехкратный чемпион СССР выиграл либо нокаутом, либо за явным преимуществом. Как уж это ему удавалось — одному Богу известно: бесконечно жаль, что никто, совершенно никто историей российского, советского и снова российского бокса никогда всерьез не занимался. А ведь ясно, что без прошлого нет настоящего, а без настоящего нет будущего.

До финала пробилась лишь полусредневесы Виктор Меднов из «Трудовых резервов» (первый полусредний) и армеец Сергей Щербаков, о котором здесь уже кое-что сказано (второй полусредний). Виктор Меднов, сражаясь с румыном Николае Линку и явно переигрывая его по очкам, в третьем раунде вместо того, чтобы спокойно довести бой до логического конца, неожиданно ввязывается в ненужную ему рубку — удар на удар, кость в кость. В одном из эпизодов он получает глубокое рассечение брови и решением врачей отстраняется от продолжения поединка.

Вот так уплыла из рук советской дружины первая в истории советского спорта золотая медаль олимпийского чемпиона по боксу. Кстати говоря, ровно через 50 лет на Олимпиаде в Мюнхене воспитанник бурятской школы бокса Борис Зоригтуев — мальчик из иволгинского Оронгоя — повторил «подвиг» Виктора Меднова. Начисто переигрывая кубинского оппонента в первых двух раундах, имея в активе еще и нокдаун, в третьем раунде он тоже ввязался в тяжелый обмен ударами и тоже получил рассечение брови, из-за которого не смог продолжить практически уже выигранный бой. Произошло это в четвертьфинале, а победа уже обеспечивала ему по меньшей мере бронзовую медаль.

— Невероятная, непростительная глупость, допущенная и самим спортсменом и его на тот момент наставниками,— прокомментировал происшедшее по горячим следам наш серебряный призер Олимпиады в Токио, чемпион и обладатель Кубка Европы, заслуженный мастер спорта Велингтон Баранников. — По уровню подготовки, по заряженности на победу Боря в том году мог принести Советскому Союзу, России и родной Бурятии вторую золотую олимпийскую медаль...

И уж вовсе невероятное произошло со вторым полусредним весом Сергеем Щербаковым. Боевой офицер-фронтовик, орденосец, прошедший всю Великую Отечественную войну от звонка до звонка, он пять раз становился чемпионом СССР до войны и ровно столько же раз после исторической Победы над фашистской Германией. Обладая феноменальными, уникальными физическими данными, он не ведал, что такое усталость, мог боксировать в ураганном темпе не три, а сразу, как у профессионалов, двенадцать раундов. Мало находилось бойцов, которые могли выдержать этот бешеный темп и потому большинство своих боев он завершал досрочно.

Так случилось и в Хельсинки. Первые четыре поединка на финском ринге Сергей Щербаков, как и привык, завершил досрочно. А в финале ему противостоит чех Иржи Немечек, у которого Щербаков за два месяца до Олимпиады, и тоже досрочно, выиграл в турнире боксеров стран социалистического лагеря в Москве.

В Хельсинки, рассказывал Велингтон Баранников, видевший этот бой на киноролике, чеха можно было разглядеть только в перерывах между раундами, обмахиваемого полотенцем секундантом. В ринге все три раунда безраздельно властвовал лишь Сергей Щербаков. Чех же все эти три раунда каким-то образом выстоял, ни разу не опустил на настил ринга. И, может быть, как раз за это по окончании третьего раунда и подсчета очков рефери поднял вверх руку Иржи Немечека. Я же считаю, что поражение Сергея Щербакова — это одно из составляющих «холодной войны» против СССР, объявленной английским премьером Уинстоном Черчиллем в 1949 году в его памятной речи в Фултоне. К тому же еще и результат «железного занавеса», которым мы тогда были отгорожены от всего остального мира.

Не-ет, физкультура и спорт ныне не просто достояние всей общемировой культуры, это сейчас и мощнейший рычаг взаимоотношений между странами и народами как в экономике, так и в политике...

Однако, вернемся все же в Мельбурн, в октябрь 1956 года.

Как мы уже говорили, на финальный поединок с Томми Никольсом, которому вся пресса единодушно присуждала безоговорочную победу, наш земляк вышел

Владимир Сафронов — художник-иллюстратор издательства «Физкультура и спорт» (Москва, 1962 г.)

раскованным и даже чуточку легкомысленным. За что и получил внушение от Сергея Щербакова.

— Нет, никакой самоуверенностью я перед боем отнюдь не проникся, — вспоминал Владимир Константинович три года спустя в Москве. — У англичан вся техника нанесения ударов поставлена на поступательном движении, а это, Серега, означает, что сильными, сокрушительными ударами они не обладают. Другое дело — кубинцы и американцы, у них все удары ставятся на вращательном движении, как бы на раскрутке, в особенности — хуки и апперкоты. Отсюда и сила удара. Так что ударов Никольса я не опасался. К тому же я знал, что он — левша, да и полуфинальный бой успел посмотреть краешком глаза. Ну, а левой к тому моменту я уже считал своими клиентами, научился разбираться с ними. Так что отсутствие у меня мандража перед англичанином было вполне оправданно...

«Английский лев», как ни поразительно, толком даже не огрызнулся, а «сибирский медведь» оказался неумолим и беспощаден, он поистине властвовал в ринге, заставив «самого техничного в мире» боксера уйти в глубокую тень. Дважды, в концовках второго и третьего раундов, прославленный англичанин после разящих ударов нашего земляка принужден был опуститься на твердый настил ринга, вкусив его горький запах. После таких нокдаунов даже самые предубежденные арбитры не могли не признать победу советского бойца, поднять вверх его руку в знак бесспорной, ошеломительной для всего боксерского мира победы. Практически новичок международного ринга сенсационно становится первым в истории советского спорта олимпийским чемпионом по боксу. Золотая медаль завоевана парнем из Улан-Удэ для всего Советского Союза и для родной Бурятии в том числе.

Золотые медали в тот звездный для советского бокса день также, всего лишь через час после Владимира Сафронова, завоевали его тезка, полусредневес Енгибарян, а еще через полтора часа капитан команды Геннадий Шатков. Если помните, перед полуфиналом наш земляк сетовал на то, что ему так и не пришлось сразиться с афроамериканцем или латинос из Южной Америки. Шаткову же достались как раз негры и латинос, ни с кем из них будущий доктор наук и профессор три раунда не «работал», завершив свои бои досрочно.

Как ни грустно это сознавать, но вот уже 54 года с той поры миновало, а больше мы в Бурятии золотой олимпийской медали не видели и не ощущали ее тяжесть на своей руке. Было серебро Токио с золотым отливом в 1964 году, завоеванное Веллингтоном Иннокентьевичем Баранниковым, однако, серебро, хотя и с золотым отливом, все же не золото, да и с той осени тоже миновало ни много ни мало, а целых 46 лет...

Далее судьба великолепного бойца и замечательного, талантливого человека, художника в полном смысле этого слова Владимира Константиновича Сафронова складывается достаточно драматично, если не сказать еще сильнее.

В 1957 году автор этих строк значится электриком-наладчиком шестого (!) разряда на Ангарском нефтекомбинате-16, куда привела меня, конечно же, безграничная любовь к спорту. А уехал я в Ангарск по совету своего первого и единственного тренера Александра Бадмажаповича Ринчинова. Дело в том, что в том году мне исполнилось 18 лет и, занимаясь боксом, я тогда переходил уже в категорию взрослых

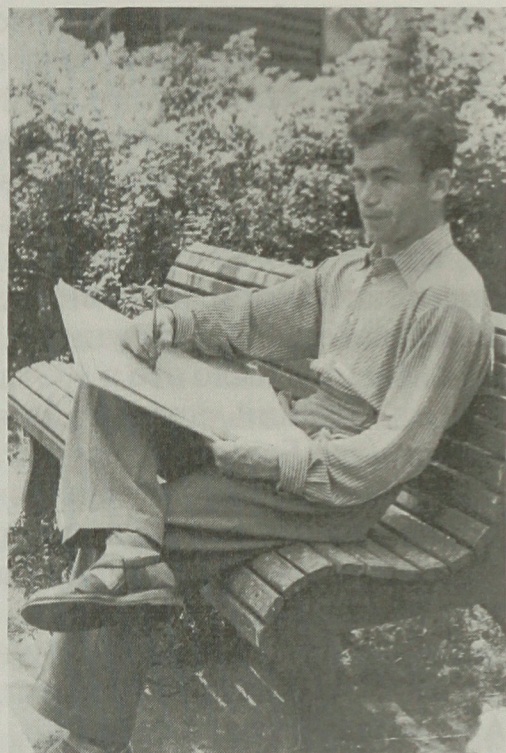
спортсменов. А в моем тогдашнем весе 57 килограммов безраздельно властвовал один из первых бурятских мастеров спорта по боксу Виктор Банзаракцаевич Бадмаев. Возрастной категории молодежи тогда не было, и вчерашние юнцы сразу же попадали в ряды взрослых. О соперничестве с Виктором не могло быть и речи, благожелательностью к соперникам, в том числе и к молодым, он, мягко говоря, не отличался.

Приехал я в Ангарск летом и совершенно неожиданно переквалифицировался в... футболиста. Сыграл пару матчей за команду управления энергосистем, когда меня заметил тренер команды «Нефтяник» Виктор Матвеевич Киселев, позже тренировавший, кстати, нашу улан-удэнскую «Селенгу». А глубокой осенью переключился на русский хоккей и стал играть за ангарский «Строитель». Обе команды успешно выступали в чемпионате области и вроде бы в рядах футболистов и хоккеистов я не затерялся — сказывались кижингинские детство и юность, где футбол и хоккей были чрезвычайно популярны.

В межсезонье и свободные от игр дни приходил в боксерский зал, стучал по снарядам, стоял в спаррингах, становился чемпионом города и области. Вся жизнь проходила в разъездах, на учебно-тренировочных сборах и соревнованиях. Такая жизнь меня в целом-то устраивала, поскольку предоставляла кое-какое свободное время, позволявшее заниматься, скажем, самообразованием. В поездках, на учебно-тренировочных сборах парни садились за карты, домино и прочее, ну, а я — за книжки.

Но в 1958 году случилась беда. В одном из календарных футбольных матчей умудрился получить тяжелейшую травму левой ноги — тройственный сразу перелом: пяточной и берцовой костей, бедра. Целых полгода пролежал на вытяжении в клинике Иркутского института хирургии травматологии и ортопедии на так называемом «велосипеде». Неправильно сросшиеся переломы оттягивали при посредстве гирек в 25 граммов ежедневно. Так эти 25 граммов превращались в мучительные тонны.

О продолжении активных занятий спортом не может быть и речи. Работать на прежнем месте тоже не могу, не допускает медицина. Тогдашний мой тренер Степан Степанович Ведерников пристраивает меня в стройбат тренером желающих заниматься боксом, где солдаты-строители почти сплошь мои ровесники. Вот так, в 19 лет, я стал самым молодым в Иркутской области тренером по боксу. Вместо зарплаты меня бесплатно кормили в солдатской столовой да еще выдавали бесплатный офицерский сухой паек. Ну, а денежное довольствие приходилось добывать в качестве нештатного сотрудника городской газеты «Огни коммунизма», благо, уже

Владимир Сафронов — живописец — на этюдах в районе Верхней Березовки

тогда баловался стишками и вел на страницах издания спортивное обозрение, что и наложило решающий отпечаток на выбор будущей жизненной стези. Один из моих тогдашних учеников Николай Шульга, начав заниматься боксом в 19 лет, завоевал впоследствии звание чемпиона Украины, мастера спорта, стал третьим призером первенства СССР, проиграв в полуфинале латышу, чемпиону Европы Алоизу Туминьшу. Талантливейший был парень — боец без страха и упрека.

Как раз тогда-то, убедившись в том, что без углубленных профессиональных знаний анатомии и физиологии, методики и педагогики, психологии далеко не ушагаешь, решаю поступить в Центральный институт физкультуры имени Семашко в Москве. Было это в 1959 году. В карманах полно всевозможных характеристик и рекомендаций, есть направление Иркутского спорткомитета, а главное — письмо Александра Бадмажаповича Ринчинова бывшему ученику, олимпийскому чемпиону Владимиру Сафронову с просьбой посодействовать мне при поступлении.

С превеликими трудами, лишь с помощью уже известного в спортивных кругах члена сборной СССР, студента МВТУ имени Баумана Велингтона Баранникова нахожу Владимира Сафронова в комнатухе коммуналки по Сивцеву Вражку. Олимпийский чемпион — в коммуналке?! Не умещается в сознании... К тому же олимпийский чемпион на мой тогдашний непросвещенный взгляд заметно подшофе. А на улице, между тем...

Конец июля 1959-го. В Лужниках идут бои боксерского турнира II Спартакиады народов СССР. Владимир Сафронов, хотя и москвич, представляет в турнире сборную РСФСР, тогда как за Москву боксирует в его весе молодой, перспективный, амбициозный Борис Никаноров из «Трудовых резервов», с которым нашему земляку как раз назавтра сразаться за выход в финал. А он перед таким ответственным боем, мягко говоря, нетрезв. Не без труда одолев послание Александра Бадмажаповича, познакомившись с характеристиками и рекомендациями, олимпионик одобрительно хмыкает, шлепает меня по плечу, крепко стискивает мою ладонь.

— Поступишь без балды, мой юный друг! — покачиваясь на табуретке, заверяет он. — У меня там, дружище, все схвачено, все на мази. Ага, ага, как раз на кафедре спортивных единоборств. Одно мое слово, и ты уже, считай, студент... Ага, как там Саша-то? А как Володя Николаев? Как раз в твои годы и они начали тренировать пацанов...

И как раз в это время в проеме двери возникает очень популярная в то время, более чем снимабельная актриса, при появлении которой я, естественно, невольно встаю. Актриса и наш земляк холодновато, на мой взгляд, пожалуй, даже привычно, обнимаются, обмениваются поцелуями. Мне становится ясно, что и она тоже в некотором подпитии.

— Ха, у тебя такой далекий гость, чемпион! — капризно поджимая губы, произносит актриса звучным, хорошо поставленным голосом. — А стол отчего-то пустой, а? Разве так встречают гостей со своей малой родины?.. Нет, нет, Володенька, никуда ходить не надо, — добавляет она. — Я по дороге прихватила, как будто чувствовала.

Тут же на крохотном, низеньком журнальном столике вырастает бутылка «Московской» и еще одна бутылка — молдавского «Гратиешты», какая-то немудрящая

закуска, мгновенно наполняются подставленные актрисой бокалы. Актриса, смакуя, потягивает вино, Сафронов же залпом опрокидывает в себя до краев наполненный бокал водки, тянется к закуске. Но тут же отдергивает руку с вилкой, видимо, вспомнив, что утром ему вставать на весы. И тут же наполняет свою брѣтину.

— Вам же, Владимир Константинович, завтра с Никаноровым сражаться, — не удерживаюсь я от замечания. — Может, не стоило бы, а, Владимир Константинович?

— Вот теперь я вижу, что из тебя тренер получится... Не бойсь, дружище. Я буду с ним сражаться и дам ему прикурить, — вдруг взглядывает на меня олимпиец совершенно протрезвевшим взглядом. — А победу, сам увидишь, мне все равно не дадут. Как не дадут мне, увидишь, по-своему фирменно боксировать, — пулеметно выстреливает он своей знаменитой скороговоркой. — Его, Борьку, пацана, за уши в сборную тянут, а меня... В двадцать пять лет я, видите ли, уже неперспективен. Его, видите ли, к Олимпиаде в Риме готовят. Но они позабыли, что ли, что после спартакиадных боев предстоят еще и учебно-тренировочные сборы, спарринги, после которых и выяснится, кто чего стоит...

Назавтра, как и предсказывал сам, Сафронов по очкам проиграл Никанорову. Но, Боже, как это произошло!.. Конечно, мне было тогда всего-то двадцать лет, я был достаточно наивен, не знал тонкостей «дворцовых переворотов» и коварств так называемой подковерной борьбы. И лишь еще через три года при новой встрече с олимпийцем в Москве Владимир Константинович на многое раскрыл мне глаза. Выяснилось, что кому-то из спортивных функционеров очень хотелось списать Сафронова в тираж, озвучить новое в советском боксе имя и на гребне этой мутной волны сделать и себе имя.

А проиграл Сафронов своему молодому оппоненту вот как.

К заслуженному мастеру спорта Борису Никанорову я отношусь вполне лояльно, уважительно, но считаю, что победу ему на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли арбитры... Нет, даже не арбитры, а рефери — судья в ринге. Наш земляк пониже Бориса ростом, ему выгоднее сражаться с ним на ближней и средней дистанциях, где скорость, быстрота должны принести ему необходимые дивиденды. Так он и делает. Только присущими ему уклонами и нырками Сафронов врывается в ближний бой, наносит свои пулеметные серии из хуков и апперкотов. И тут...

— Стоп! — командует рефери. — Опасно идете головой...

Вскоре снова следует аналогичная команда. И даже я, в сравнении с Сафроновым, дилетант, понимаю, что очередная попытка ворваться в ближний бой чревата, по меньшей мере, предупреждением, а это уже два проигранных очка. Чтобы отыграть их, Сафронову надо нанести Никанорову шесть чистых безответных ударов, а это при уровне подготовленности соперника почти утопично. Наш земляк принужден отказаться от уклонов и нырков, от попыток боксировать на выгодной для него дистанции. Теперь на левый прямой Никанорова с его длинными руками Сафронов отвечает также левой — встречным боковым. И вроде бы неплохо получается: один удар проходит, второй, третий...

— Стоп! — останавливает рефери поединок. — Бьете слева открытой перчаткой.